

д. 34

ДЕНЬ ПОЭЗИИ 1967

1967

6983

Д.34

День поэзии 1967

500705

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1967

КОМСОМОЛЕЦ, ПОЭТ, СОЛДАТ

На мраморных скрижалях Центрального Дома литераторов навечно выгравированы имена писателей-фронтовиков, погибших геройской смертью в суровые годы Великой Отечественной войны. Писатели свято чтут память своих товарищей. Ежегодно 23 февраля — в День Советской Армии — в Доме литераторов, что на улице Воровского, собираются друзья, родственники погибших, читатели. С сердечной любовью вспоминают они тех, кто отдал свой талант и саму жизнь во имя победы над гитлеровцами, во славу своей великой Советской родины...

Эту солдатскую годовщину вечная память и слава отметили бессмертием еще четверых поэтов-воинов. На мемориальную доску занесены имена Николая Майорова, Павла Когана, Николая Отрады, Михаила Кульчицкого. Они не были членами Союза писателей, они не успели вступить в него — ушли на фронт прямо из студенческих аудиторий.

Годы летят, и мало кто сейчас помнит в Иванове Колю Майорова — выпускника 33-й ивановской средней школы. И не только потому, что со дня выпускного школьного вечера минуло четверть века и жизнь разбросала в годы войны сверстников по всей необъятной стране. При жизни Николай Майоров напечатал 2—3 стихотворения¹. Он не спешил печататься, хотя и был глубоко уверен в своем поэтическом призвании. Требовательный к себе, он не искал легкого успеха. А уже в ту пору стихи его были на редкость крепкими, выгодно отличались от «поэтической продукции» сверстников.

Майоров хорошо понимал, как необходим в литературной работе общекультурный багаж. И он год за годом накапливал его. Любовь к истории привела его в Московский государственный университет. А вскоре у студента-историка Майорова появилась и вторая «зачетка», на титульном листе которой значилось: «Литературный институт имени Горького».

¹Н. Майоров опубликовал свои стихи в многотиражной газете Московского университета. После войны друзья поэта В. Н. Болховитинов и В. С. Жуков собрали сохранившиеся рукописи Н. Майорова. Так родилась книга его стихов «Мы», вышедшая в свет в 1962 году в издательстве «Молодая гвардия».

В те далекие дни летних и зимних каникул на традиционные вечера встреч десятиклассников с бывшими воспитанниками 33-й школы он возвращался в Иваново в буквальном смысле «набитый» стихами. С любовью, горячо рассказывал о поэтическом семинаре Павла Антокольского, наизусть читал стихи своих московских друзей. Без похвальбы, смущаясь, как бы не показаться выше других, иногда доставал он вырезки своих стихов из многотиражки «Московский университет»:

— Болховитинов напечатал... Физик он. А послушай, какие стихи пишет! — И начал читать Болховитинова. Ныне писатель, в те годы студент-физик, В. Н. Болховитинов являлся заведующим отделом литературы и искусства многотиражной университетской газеты.

Желание остаться незамеченным, заслонить свои удачи успехами товарища было одной из отличительных черт характера Коли Майорова. О его человеколюбии, о всегдашнем стремлении помочь ближнему можно было бы привести немало свидетельств. Памятен сороковой год. С финской войны, из госпиталей возвращались наши друзья. Как всегда, собрались у Майоровых — в деревянном домике, что на Авиационной улице. Пришли люди, уже хлебнувшие лиха, познавшие войну не из литературы. Коля жадно расспрашивал, требовал мельчайших подробностей. В мире пахло «большим порохом». Хотелось знать все. Чаше, чем к другим, Майоров обращался к бойцу, правая рука которого висела на перевязи. А когда он ушел, долго взад и вперед бродил по комнате.

— Ведь у него локоть разбит. Разрывной пулей. Не будет рука работать... А без правой — ведь это беда-то какая!

И потом делал все, что только мог, чтобы как-то скрасить, устроить судьбу этого парня.

Но грянула Великая Отечественная война. Почерневший и посуровевший, с обострившимися скулами, появился он в Иванове летом сорок первого. На этот раз недолго ему довелось побыть дома: из Москвы телеграфно извещали, что на его имя пришла повестка из райвоенкомата...

Не без юмора обсуждали, в ботинках ехать или в полуботинках. Но юмор был наигранный. Остановились на военной форме. Вещь за вещь извлекались из сундука армейские сапоги, гимнастерка, галифе...

Меня это крайне удивило. И я, помню, сказал ему об этом.

— Ничего удивительного. Сейчас и портянки надену, и портупею... Да ты не думай, что вперед глядел,— говорил он, неторопливо выкладывая из сундука небогатое содержимое.— Это все Алексей. Ты ж знаешь...

Старший брат Николая — Алексей — был летчиком-истребителем и уже находился «в деле».

Наконец все было найдено и надето. Я помог ему застегнуть портупею. С гражданской жизнью было покончено. Почти в каждую семью приходили повестки из райвоенкоматов. Не обошли они и нашу семью. С марша я получил от Николая одну-единственную открытку. Наспех, карандашом, он сообщал, что и как.

Но сохранились письма у друзей погибшего. Каждое из них — человеческий документ. Вот выдержки из них:

«В райвоенкомате прошел медкомиссию. Ждем, когда возьмут в армию. А когда — неизвестно: может, сегодня вечером, а может — через месяц. В университете я получил назначение в Можайск, но это — простая формальность. Я не безногий, чтоб ехать на работу.

Ты в открытке желаешь мне мужества, если буду в бою. Спасибо. Хотя ты знаешь, что в этом деле я не отличусь, но что могу сделать — сделаю.

20. 10, 41. Ник.»

«Очень беспокоюсь за братьев, а равно и за родителей. Едва ли сейчас в Иванове спокойно.

Встретил некоторых ребят из университета, они эвакуируются (бегут) в Ашхабад... Увидев нас в шинелях (меня и Арчила), оглядывали нас, как старик Бульба сыновей некогда.

Ну, живу пока ничего. Тяжеловато, но кому нынче легко?

Мне 22 года, впереди фронт... А верстовые столбы — без конца. Идешь-идешь, думаешь-думаешь, и опять ты где-нибудь выплываешь, и опять все сызнова. Курю. Думаю.

Тяжело идти, но я, дай бог, более или менее вынослив. Плохо (очень) с питанием. Есть с чего быть злым. Сплю на шинели, шинелью покрываюсь, в голове — тоже шинель. Не думай, что их — три шинели. Все это случается с одной шинелью.

Ник.

И зачем я пишу все это? А?
8.11,41».

«За последнее время я никому так много не писал писем, как тебе. Не знаю, радоваться или плакать тебе по этому случаю. Домой я не писал полтора месяца,— не знаю, что уж обо мне там думают. О братьях ничего не слышу. А как бы хотелось все обо всех знать! Сегодня — 18 декабря — ровно два месяца, как я в армии. По этому случаю и пишу домой, тебе, братьям.

Ничего не поделаешь — война. Многого бы хотелось, да не все есть. Сейчас приходится меньше требовать, а больше работать.

Кое-как удалось прочесть «Юморески» Гашека, «Два капитана» Каверина. Если не читал последнюю книгу, прочти — хорошая.

Радуюсь нашим успехам на фронтах. Боюсь за братьев. Напиши мне письмо, возможно, оно застанет меня еще здесь.

Ник.

Привет от Арчила.

18. 11, 41».

«Жду эшелона для отправки на фронт. Нахожусь в маршевой роте. Говорят, нас отправляют в гвардейские части, на Московский фронт. Обмундирование хорошее: полушубки, ватники, в дороге валенки дадут. Дали махорки — самое главное. Воевать придется в самые зимние месяцы. Ну да ладно — перетерплю. Арчила не взяли в гвардию — слепой. Тяжело было расставаться с ним. Поздравляю тебя с Новым годом.

Николай.

28. 12, 1941 г.»

Только в 1945 году, вернувшись с войны, я узнал, что нет больше Николая Майорова — замполита пулеметной роты.

В «похоронной» сообщалось: «Майоров Николай Петрович, уроженец г. Иванова, 1-я Авиационная, д. 18, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 8. 2. 42 и похоронен в д. Баренцово Смоленской области».

За давностью времени стоит он передо мной — живой, широкоплечий и сероглазый, с портупеей через плечо, человек недюжинного таланта, наш земляк, солдат и поэт Великой Отечественной войны.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Во время войны я служил старшим инспектором по работе среди войск и населения противника 109-й стрелковой дивизии. В своем письме мне хочется поделиться воспоминаниями о замечательном поэте — воине Семене Гудзенко, с которым я познакомился при следующих обстоятельствах.

Только что отгремели бои за Буду. Пал последний оплот фашистский — Королевский дворец. Над Будапештом вставало первое мирное утро за всю зиму 1945 года. Я отдал приказание свертывать аппаратуру мощного говорящей установки, по которой накануне провели последнюю передачу для немцев о бесполезности сопротивления, а сам подошел к окну. Было видно, как по узкой заваленной кирпичом мостовой шли колонны пленных немцев. Они шли спотыкаясь, понуро, безразличные ко всему.

Прошла колонна. На улице неожиданно раздались звуки баяна, молодой, звонкой русской песни. Из полуразрушенного дома вышла большая группа наших бойцов, потом другая. Вскоре вся улица заполнилась советскими воинами. И тут у меня неожиданно возникло решение через установку проиграть для победителей патефонную пластинку. Вскоре над древним городом понеслась «Песня о Родине» («Широка страна моя родная»).

Не успела докрутиться пластинка, как ко мне в комнату ворвался человек без головного убора, в кожаной куртке с застежкой-молнией. Я принял его за венгра. Однако незнакомец заговорил по-русски:

— Разрешите, товарищ капитан, к микрофону?

— Позвольте! Но кто вы такой? Без погон, без фуражки?

— Вот мои документы! — И он подал удостоверение личности.

«Семен Гудзенко, — прочел я, — сотрудник фронтовой газеты «Суворовский натиск». Стихами и балладами Семена Гудзенко зачитывались воины Будапештской группы войск. Я выключил аппаратуру, подал руку Гудзенко и проговорил:

— Не могу. При всем моем уважении к вам, дорогой поэт!

— Да я же хочу прочитать стихи! — воскликнул Гудзенко.

— Не могу... Как же так, без предварительного просмотра, без санкции начальства, будет тогда нагоняй! — отказывал я, хотя мне очень хотелось послушать стихи.

— Мы же коммунисты. Политработники! А цензура... Вот она, цензура, — и Гудзенко энергичным движением руки показал из окна на улицу, где стояли наши бойцы.

Я сдался. И вот Гудзенко у микрофона.

Никогда я не забуду,
Сколько буду на войне,
Громящую Буду,
Потонувшую в огне...

Я восторженно смотрел в лицо поэта. Оно было необыкновенно. Каждая его черточка дышала вдохновением. На бледных матовых щеках загорался румянец.

И обломки переправы,
И февральский ледоход...
И Дуная берег правый,
Развороченный, как дзот! —

читал поэт, и его сильный голос наполнял мою душу торжественной музыкой, в его стихах слышался победный ритм боев, железная поступь советских штурмующих рот, торжество и величие нашего солдата, боль много-страдального Будапешта. Я взглянул в окно и увидел, как бойцы с громадным вниманием слушают поэта.

Когда Гудзенко кончил читать и резким движением головы отбросил каштановую прядь волос, я подбежал к нему и поцеловал его. Гудзенко смутился, что-то хотел сказать, но пожал только руки и ушел.

Через несколько дней я прочел стихотворение Гудзенко во фронтовой газете. Оно быстро нашло путь к солдатским сердцам. И мне на дорогах Венгрии, Чехословакии, Австрии не раз удавалось слышать, как воины вдохновенно читали стихи поэта, участника освобождения Венгрии Семена Гудзенко о Будапеште.

В. ЖОЛНИН, капитан запаса

